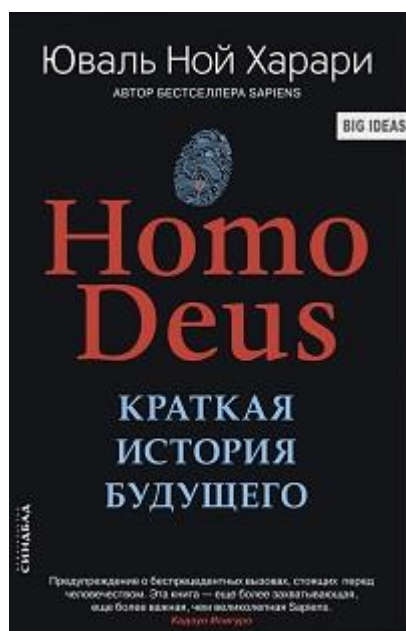

Юваль Харари. Номо Deus. Краткая история будущего

В своей первой книге, ставшей всемирной сенсацией [Sapiens. Краткая история человечества](#), Юваль Харари рассказал, как Человек Разумный пришел к господству над нашей планетой. «Номо Deus» является своего рода продолжением темы – это попытка заглянуть в будущее. Что произойдет, когда Google и Facebook будут лучше, чем мы сами, знать наши вкусы, личные симпатии и политические предпочтения? Что будут делать миллиарды людей, вытесненных компьютерами с рынка труда и образовавших новый, бесполезный класс? Каковы будут последствия перехода полномочий и компетенций от живых людей к сетевым алгоритмам? Что должен предпринять человек, чтобы защитить планету от своей же разрушительной силы?.. Главное сейчас, полагает Харари, – осознать, что мы находимся на перепутье, и понять, куда ведут пути, простирающиеся перед нами. Мы не в силах остановить ход истории, но можем выбрать направление движения.

Юваль Харари. Номо Deus.¹ Краткая история будущего. – М.: Синдбад, 2019. – 496 с.

Купить цифровую книгу в [ЛитРес](#), бумажную книгу в [Ozon](#) или [Лабиринте](#)

Глава 1. Наша новая повестка дня

В течение тысяч лет перед человечеством стояли три проблемы: *голод, мор и война*. Но вот на заре третьего тысячелетия эти проблемы удалось обуздать. Полностью, конечно, эти напасти не побеждены, но из непостижимых и неконтролируемых явлений природы их удалось превратить в вызовы, поддающиеся контролю. Больше не нужно обращаться с молитвой о спасении к богам или святым. Теперь мы хорошо знаем, какими способами голод, мор и войну можно предотвратить. И, как правило, неплохо с этим справляемся.

Если голод, мор и война отходят на задний план, что-то другое должно занять их место в нашей повестке дня. Иначе, пока мы будем добивать врагов на старых фронтах, нас могут захватить врасплох атаки с абсолютно неожиданных направлений. Каковы задачи, которые в XXI веке встанут во главе нашей повестки дня?

Нам удалось обуздать голод, мор и войну в основном благодаря феноменальному экономическому росту, который обеспечивает нас в достаточном объеме едой, медикаментами, энергией и сырьем. Но этот же рост множеством способов нарушает экологическое равновесие на планете. Большинство стран не готово идти на серьезные экономические и политические жертвы ради улучшения ситуации.

Беспрецедентно высокий уровень благосостояния, здоровья и спокойствия, а также наш прошлый опыт и наши нынешние ценности дают основание полагать, что следующими целями человечества будут *бессмертие, счастье и божественность*.

¹ Игра слов: Номо Sapiens – человек разумный, Номо Deus – человек божественный. – Прим. Багузина.

Бессмертие. Люди всегда умирают из-за какого-нибудь технического сбоя. Сегодня решены еще не все технические проблемы. Именно по этой причине мы не жалеем времени и денег на исследования в области онкологии, микробиологии, генетики и нанотехнологий.

Некоторые эксперты убеждены, что человечество одолеет смерть к 2200 году, другие считают – к 2100-му. Геронтолог Обри ди Грей и изобретатель-универсал Рэй Курцвейл еще более оптимистичны. Они уверяют, что к 2050 году каждый обладатель здорового тела и солидного банковского счета получит отличный шанс дотянуть до бессмертия, вырывая у Костлявой по десять лет за раз: каждое десятилетие надо будет проходить в клинике курс обновления, который не только излечит болезни, но и регенерирует дрябнувшие ткани, омолодит руки, глаза и мозги. До следующего курса – через десятилетие – доктора изобретут кучу новых лекарств, апгрейдов и гаджетов...

По моему мнению, хотя средняя продолжительность жизни за последнее столетие удвоилась, из этого никак не следует, что в грядущем столетии мы также сумеем увеличить ее вдвое, доведя до 150 лет. В 1900 году средняя продолжительность жизни землян не превышала сорока лет, потому что молодежь гибла от недоедания, инфекционных болезней и насилия. Но те, кого не затронули голод, мор и война, доживали до восьмидесяти и даже до девяноста, что соответствует естественной продолжительности жизни *Homo Sapiens*.

Счастье. На биологическом уровне и наши запросы, и счастье определяются биохимией, а не экономическим, социальным или политическим статусом. Согласно Эпикуру, мы счастливы, когда испытываем приятные ощущения и свободны от неприятных. Иеремия Бентам утверждал, что природа отдала человека во власть двум господам – удовольствию и боли.

Во времена Эпикура такие речи были кощунством. Во времена Бентама и Милля они были потрясением основ. Но в начале XXI века это – научная ортодоксия. Мы никогда не реагируем на то, что творится вокруг нас, мы реагируем исключительно на ощущения собственного тела.

Все это издержки эволюции. На протяжении несчетного числа поколений наша биохимическая система настраивалась на увеличение шансов на выживание и воспроизводство, но не на счастье. Те действия, которые способствуют выживанию и воспроизводству, биохимическая система вознаграждает приятными ощущениями. Но это лишь рекламная уловка. Мы мечемся в поисках еды и партнера, спеша избавиться от гнетущего чувства голода и насладиться деликатесами и оргазмами. Но удовольствие от еды и оргазмов быстро проходит, и если мы хотим наслаждаться опять, то должны снова искать еду и партнера.

Если наука права и наше счастье определяется биохимической системой, значит, единственный способ достичь стабильной удовлетворенности – настройка этой системы. Забудьте об экономическом росте, социальных реформах и политических революциях: чтобы поднять уровень мирового счастья, мы должны управлять человеческой биохимией. Именно это мы и начали делать в последние десятилетия. Еще полвека назад назначение психотропных препаратов диктовалось лишь очень серьезным диагнозом. Сегодня совсем не так. К лучшему или к худшему, все больший процент населения принимает психотропы регулярно, не только для лечения разрушительных психических заболеваний, но и для восстановления душевного равновесия при рядовых депрессиях.

Погоня за биохимическим счастьем – это еще и главная причина преступности в мире. Согласно статистическим исследованиям 2009 года, половина заключенных федеральных тюрем США попали туда из-за наркотиков. Буддисты считают, чтобы обрести реальное счастье, человечество должно притормозить в своей гонке за удовольствиями, а не жать постоянно на газ.

Божественность. Стремясь к блаженству и бессмертию, люди фактически пытаются путем усовершенствования превратить себя в богов. Если мы когда-нибудь сумеем изъять из нашего организма смерть и боль, то затем мы уже, очевидно, сможем перенастроить этот организм как нам заблагорассудится и тысячей способов управлять нашими органами, эмоциями и разумом.

Третьим грандиозным проектом человечества в XXI веке будет обретение божественной силы созидания и разрушения – трансформация *Homo Sapiens* в *Homo Deus*. Этот третий проект, несомненно, включает в себя два первых проекта и вдохновляется ими. Мы учимся реконструировать тела и мозги прежде всего для того, чтобы избежать старости, смерти и страданий, но, когда мы этим навыком овладеем, кто знает, на что еще нам вздумается его употребить?

Апгрейд Человека Разумного будет постепенным историческим процессом, а не голливудским апокалипсисом. Homo Sapiens не будет истреблен взбунтовавшимися роботами. Скорее всего, он будет понемногу себя изменять, сливаясь с роботами и компьютерами. На самом деле это происходит уже сейчас. Каждый день миллионы людей отдают под контроль своих смартфонов еще один кусочек своей жизни или принимают недавно созданный более эффективный антидепрессант. В погоне за здоровьем, счастьем и властью человек изменит сначала одну свою черту, потом другую, третью и так в конце концов перестанет быть человеком.

Парадокс знания. Некоторые сложные системы типа погоды независимы от наших прогнозов. Процесс же человеческого развития, напротив, реагирует на них. Вспомните Карла Маркса с его блестящими экономическими прозрениями. Основываясь на этих прозрениях, Маркс предсказал ужесточение схватки между пролетариатом и капиталистами и завершение ее неизбежной победой первых и крушением капиталистической системы. Маркс упустил из виду тот факт, что капиталисты тоже умеют читать.

Капиталисты Британии, Франции и других стран постарались улучшить положение рабочих, поднять их национальное сознание и интегрировать их в политическую систему. Поэтому, когда рабочие начали участвовать в выборах, а партии труда (лейбористские) – набирать силу в одной стране за другой, сон у капиталистов только улучшился. В результате предсказания Маркса обернулись пшиком. Коммунистические революции так и не поглотили ведущие индустриальные страны вроде Британии, Франции и США, и гегемония пролетариата была отправлена на свалку истории.

Таков парадокс исторического знания. Знание, не меняющее поведения, бесполезно. Однако знание, меняющее поведение, быстро теряет актуальность. Чем больше у нас информации и чем лучше мы понимаем историю, тем быстрее история перестраивается и наше знание обесценивается.

Краткая история газонов. Если история не следует никаким твердым законам и предсказать ее будущий курс невозможно, зачем тогда ее изучать? Наука не сводится к прогнозам на будущее. Особенно это верно в отношении истории. Хотя историки порой берутся пророчествовать (без явного успеха), главная их миссия – знакомить нас с возможностями, которых мы обычно не рассматриваем. Они изучают прошлое не для того, чтобы мы его повторили, а для того, чтобы мы от него освободились.

Идея разбивать газоны перед фасадами личных резиденций родилась в замках французских и английских аристократов в конце Средневековья. При отсутствии газонокосилок и механических водораспылителей идеальные газоны требовали значительных земельных пространств и колоссальных затрат труда. А пользы от них никакой. Газоны стали отождествляться с политической властью, социальным статусом и материальным благополучием. В американских пригородах щегольской газон превратился из предмета роскоши богачей в предмет первой необходимости среднего обывателя.

Если теперь, после знакомства с краткой историей газонов, вы будете рисовать в воображении домик своей мечты, то, наверное, дважды подумаете, нужен ли вам газон. Разумеется, ничто не мешает вам его иметь. Но вам точно так же ничто не мешает сбросить культурный груз, унаследованный от европейских герцогов, капиталистических магнатов и Симпсонов, – и вообразить японский сад камней или вообще что-то совсем другое. Вот для чего нужно изучать историю: не для того, чтобы предсказывать будущее, а чтобы освободиться от прошлого и задуматься над альтернативами перспектив.

Все прогнозы, которыми наполнена эта книга, не более чем попытка обсудить дилеммы сегодняшнего дня и приглашение подумать над вариантами будущего. Предсказать, что человечество постарается достичь бессмертия, блаженства и божественности, – все равно как предсказать, что человек, строящий дом, захочет перед дверью устроить газон. Вероятность велика. Но стоит вам произнести это вслух, вы тут же начнете думать об альтернативах.

Будущее, описанное в этой главе, – всего лишь будущее прошлого, то есть будущее, исходящее из идей и надежд, которые владели миром на протяжении последних трехсот лет. Реальное будущее – то есть будущее, порожденное новыми идеями и надеждами XXI века, – может быть совершенно иным.

Глава 2. Антропоцен

Ученые делят историю нашей планеты на эпохи – такие, как миоцен, плиоцен, плейстоцен. Официально мы живем в эпоху голоцена. Но вернее будет назвать последние 70 тысяч лет эпохой антропоцена, эпохой человечества. Потому что в течение этих тысячелетий Homo Sapiens сделался главной действующей силой перемен в мировой экологии. Потому что Homo Sapiens переписал правила игры. Жизнь протекала в границах царства органики. Теперь человечество задумало заменить естественный отбор собственными разработками и распространить жизнь за пределы органической сферы – в неорганическую.

Антропологические и археологические свидетельства указывают на то, что древние охотники собиратели были анимистами: они верили, что между людьми и прочими созданиями природы нет существенной дистанции. Мир – то есть местная долина, окруженная цепью гор, – принадлежал всем его обитателям, которые следовали общему своду правил. Эти правила предполагали непрерывное общение между всеми существами: люди разговаривали со зверями, деревьями и камнями так же, как разговаривали с феями, демонами и духами. В этой паутине контактов сформировались ценности и нормы, которые были одинаково непреложными для людей, слонов, деревьев и духов.

Библия с ее убежденностью в человеческой исключительности была одним из продуктов аграрной революции, положившей начало новому этапу взаимоотношений людей и зверей.

Сельскохозяйственная деятельность создала абсолютно новую форму жизни: домашних животных. Сегодня более 90% всех крупных животных содержатся человеком. К несчастью, люди умудряются страшно мучить домашнюю скотину, даже радуя о ее выживании и воспроизводстве.

Люди обеспечивают свинью всем необходимым для выживания и воспроизводства. Ее вволю кормят, прививают от болезней, защищают от стихий и искусственно осеменяют. Объективно – свинье больше не нужно обследовать окружающее пространство, контактировать с сородичами, опекать своих поросят и даже ходить. Но на субъективном уровне она все еще испытывает сильную тягу ко всему этому и, когда ее потребности не удовлетворяются, очень страдает. Свиньи, втиснутые в станки, пребывают обычно либо в состоянии острой фрустрации, либо в крайнем унынии.

Охотники собиратели не ощущали себя высшими существами, так как знать не знали о своем влиянии на экосистему. Типичный клан из нескольких десятков сородичей существовал в окружении тысяч диких зверей, не понимая и не уважая повадки которых выжить было нельзя. Охотникам приходилось постоянно спрашивать себя, о чем думает олень и что замышляет лев. Иначе они не могли бы ни охотиться на оленя, ни избежать пасти льва.

Мир земледельцев и скотоводов, напротив, создавался и регулировался человеческими мыслями и стремлениями. Аграрная революция была также экономической и религиозной революцией. Новый тип экономических отношений возник в связке с новым типом религиозных верований, которые оправдывали жестокую эксплуатацию животных. Большинство аграрных обществ стало обращаться как с собственностью и с различными классами людей. В Древнем Египте, библейском Израиле и средневековом Китае людей превращали в рабов, которых истязали и казнили за малейшие провинности.

Если теистические религии – порождение аграрной революции, то детища научной революции – гуманистические религии, в которых богов заменили люди. Теисты поклоняются Богу, гуманисты поклоняются человеку. Базовая идея гуманистических религий, таких как либерализм, коммунизм и нацизм, заключается в том, что Homo Sapiens обладает некой уникальной и священной сущностью, которая является источником смысла и права во Вселенной.

Глава 3. Человеческая искра

Почему теория эволюции встречает ожесточенное противодействие со стороны духовенства? Теория эволюции несовместима с идеей души, по крайней мере понимаемой как нечто невидимое, неделимое и потенциально бессмертное. Такая целостность не может быть результатом пошаговой эволюции. Естественный отбор смог создать человеческий глаз, потому что у глаза есть составные части. А у души частей нет. Если душа Человека Разумного ступень за ступенью выростала из души Человека Прямоходящего, то каковы были эти ступени? Есть ли какая-то часть души, которая у Человека Разумного развита лучше, чем у Человека Прямоходящего? Но в том то и дело, что частей у души нет. Существование души никак не согласуется с теорией эволюции.

Ученым неведомо, как совокупность мозговых электрических импульсов преобразуется в субъективные переживания. И что еще важнее, им неведомо, в чем может состоять эволюционное преимущество такого феномена. Парадокс в том, что чем глубже мы вникаем в этот процесс, тем труднее становится объяснять сознательные переживания. Чем лучше мы понимаем мозг, тем большим излишеством кажется разум. Если вся работа системы заключается в пересылке туда-сюда электрических импульсов, зачем нам нужно еще чувствовать страх? Если цепочка электрохимических реакций ведет от нервных клеток глаза непосредственно к мышцам ног, зачем добавлять в нее субъективные переживания? Какова их роль? Бесчисленные костяшки домино могут падать змейкой без всякого вмешательства субъективных переживаний. Зачем нейронам чувства?

Философы облекли эту загадку в форму хитрого вопроса: что происходит в сознании, чего не происходит в мозге? Если в сознании не происходит ничего, кроме того, что происходит в нашей громадной нейронной сети, – тогда к чему нам сознание? Если же в сознании все-таки происходит что-то помимо и сверх того, что происходит в нейронной сети, – где, черт возьми, это происходит?

Ни одно из научных открытий не помогло разрешить пресловутую проблему «других умов». Лучший из предложенных до сих пор тестов – [тест Тьюринга](#), но он лишь определяет меру социальной условности. Чтобы установить, есть ли у компьютера разум, вы, по условиям теста, должны одновременно общаться с этим компьютером и с живым человеком, не зная, кто есть кто. Вы вправе задавать им любые вопросы, играть с ними в игры, спорить и даже флиртовать. Время не ограничено. Под конец вы должны сказать, где компьютер, а где человек. Если вы затрудняетесь с ответом или ошиблись, значит, компьютер прошел тест Тьюринга.

Этот тест придумал в 1950 году британский математик [Алан Тьюринг](#), один из отцов компьютерного века. Он был геем, а в то время в Британии гомосексуализм считался преступлением. В 1953 году Тьюринг был обвинен в мужеложстве и подвергнут химической кастрации. Два года спустя он покончил с собой. Тест Тьюринга – это просто отголосок жизненного теста, который в Британии 1950-х вынужден был проходить каждый гей: можешь ли ты сойти за натурала? Тьюринг по собственному опыту знал: абсолютно не важно, кто ты есть, – важно только то, что о тебе думают.

Есть ли разум у других животных? 7 июля 2012 года ведущие эксперты в сфере нейробиологии и когнитивных наук собрались в Кембриджском университете и подписали «Кембриджскую декларацию о сознании», в которой говорится следующее: «Множественные свидетельства указывают на то, что у животных, не принадлежащих к человеческому роду, имеются нейроанатомические, нейрохимические и нейрофизиологические субстраты сознательного состояния наряду с склонностью к рациональному поведению».

Большинство исследований отводит главную роль в возвышении человечества производству орудий и интеллекту. Однако, уже миллион лет назад люди были самыми разумными животными, равно как и чемпионами по производству орудий, однако оставались незначительным видом, мало влиявшим на окружающую экосистему. Им явно недоставало какой-то ключевой черты помимо интеллекта и умения делать орудия.

Решающую роль в завоевании нами мира сыграла наша способность объединять в сообщества массы людей. Современное человечество правит планетой не потому, что отдельно взятый человек более умный и более умелый, чем отдельно взятый шимпанзе или волк, а потому, что *Homo Sapiens* – единственный на земле вид, способный гибко взаимодействовать в многочисленных группах.

Что позволяет людям создавать столь объемные и разветвленные социальные системы? У шимпанзе, волков и дельфинов взаимодействие строится на близком знакомстве. Люди взаимодействуют в массовом масштабе. Такое взаимодействие зиждется на вере в воображаемый порядок. Пока все обитатели какой-либо местности или региона верят в одни и те же мифы, они следуют общим правилам, позволяющим предсказывать поведение чужаков и создавать системы массового взаимодействия. Чтобы послать сигнал: «Можешь мне доверять: я верю в тот же миф, что и ты», люди часто используют опознавательные знаки типа тюрбана, бороды, делового костюма. Наши братья шимпанзе не в состоянии придумывать и распространять такие мифы, поэтому они не способны взаимодействовать в массовом масштабе.

Люди с трудом осваиваются с идеей воображаемого порядка, так как полагают, что есть только два типа реальности: объективная и субъективная. Поэтому, когда они убеждаются, что некий феномен

не является их субъективным ощущением, они тут же относят его к объективным. Если множество людей верит в Бога, если деньги правят миром, если национализм развязывает войны и строит империи, – значит, они не мои субъективные ощущения. Бог, деньги и нации должны быть объективной реальностью. Но существует и третий уровень реальности – интересубъективный. Интересубъективные сущности создаются взаимодействием многих людей, а не верованиями и чувствами отдельных личностей.

Люди непрестанно укрепляют общие верования самовоспроизводящейся петлей. Каждый виток взаимного подтверждения ту же стягивает паутину смыслов, и в конце концов вам ничего не остается, как уверовать в то, во что верят вокруг вас. Но через десятки, а иногда сотни лет паутина смыслов распадается и вместо нее плетется новая.

Способность создавать интересубъективные сущности, обособливающая людей от других животных, также отделяет гуманитарные науки от наук о жизни.

Глава 4. Мифотворцы

Люди полагают, что они делают историю, но в действительности история вертится вокруг паутины вымыслов. Базовые способности индивида мало изменились с каменного века. А паутины вымыслов неуклонно росли и крепили, продвигая историю от каменного века к веку кремниевому.

Письменность способствовала возникновению могущественных вымыслов, сплывавших миллионы людей и менявших окружающую среду. Вместе с тем письменность помогала людям верить в реальность подобных фантазий, так как приучала их воспринимать действительность через посредство абстрактных символов.

Притом что священные книги вводят в заблуждение относительно истинной природы вещей, они способны сохранять власть над людьми тысячелетиями. Например, библейское понимание истории в корне ошибочно, однако оно распространилось по всему миру и многие миллионы людей верят в него. Библия торговала вразнос монотеистической концепцией истории, утверждая, что миром правит единственное всемогущее божество, которое неустанно думает обо мне и моих поступках. Любая моя удача – это, безусловно, награда за мои добрые дела. Любая катастрофа – несомненно, наказание за мои прегрешения.

Такой эгоцентризм свойственен всем нам в детстве. Большинство людей перерастает это детское заблуждение. Монотеисты же пребывают в нем до самой смерти. Уже в библейские времена некоторые культуры имели гораздо более верное представление об истории. Анимистические и политеистические религии изображали мир как игровое пространство множества самых разных сил, а не единого Бога. Поэтому анимисты и политеисты легко принимали идею о том, что многие события не связаны со мной или моим любимым небожителем и не являются расплатой за мои грехи или наградой за мои благие дела.

Греческие историки Геродот и Фукидид и китайский историк Сыма Цянь создали сложные исторические теории, очень близкие к нашим современным представлениям. Они объясняли войны и восстания множеством политических, социальных и экономических факторов. Хотя Геродот и Фукидид понимали ход вещей гораздо лучше, чем авторы Библии, при столкновении этих двух мировоззрений Библия одержала абсолютную победу.

Сети человеческой кооперации обычно применяют к себе критерии собственного изобретения, так что неудивительно, что они ставят себе высокие отметки. Поэтому, изучая историю любой сети взаимодействия, желательно время от времени останавливаться и смотреть на вещи с позиции какой-нибудь реальной сущности. Как узнать, реальна ли сущность? Просто задайте вопрос: «Способна ли она страдать?» Когда люди сжигают храм Зевса, Зевс не страдает. Но когда нечего есть голодной крестьянке, она страдает.

Вымысел сам по себе не плох. Он критически важен. Без общепризнанных мифов о деньгах, государствах и корпорациях не может функционировать ни одно сложное человеческое сообщество. Но мифы – лишь инструмент. Они не должны становиться нашими целями или критериями. Забывая, что это не более чем вымысел, мы отрываемся от реальности. Мы развязываем целые войны «в интересах корпораций» или «для защиты национальных интересов». Корпорации, деньги и нации – всего лишь плод нашего воображения. Мы изобрели их ради себя, зачем же мы жертвуем жизнями ради них?

В XXI веке мы создадим такие могущественные мифы и такие тоталитарные религии, какие человечеству и не снились. С помощью биотехнологий и компьютерных алгоритмов эти религии будут не только контролировать каждый наш шаг, но и создавать наши тела, мозги, мысли и целые виртуальные миры, в каждом из которых будут свой ад и свой рай. Распознавать и отделять вымысел от реальности и религию от науки будет намного сложнее. Но уметь делать это становится так важно, как никогда раньше.

Глава 5. Странная парочка

Современная наука поменяла правила игры, но это не была замена мифов фактами. Мифы не утратили власти над человечеством, и наука только укрепляет эту власть. Вместо того чтобы сокрушить intersubъективную реальность, наука будет предоставлять ей возможность еще большего контроля над объективной и субъективной реальностями. Благодаря компьютерам и биоинженерии разница между вымыслом и реальностью будет стираться – по мере того, как люди будут переделывать действительность, чтобы она соответствовала их любимым сказкам.

Как соотносятся современная наука и религия?

Религию слишком часто путают с суеверием, духовностью, верой в сверхъестественные силы или верой в богов. Религия же не является ни тем, ни другим, ни третьим. Религия – это приверженность некоей системе нравственных законов, которые не были выдуманы людьми, но должны тем не менее ими соблюдаться. Каждое человеческое общество заявляет своим членам, что они обязаны почитать некий надчеловеческий нравственный закон и что нарушение этого закона ведет к катастрофе.

Утверждение, что религия – это инструмент поддержания социального порядка и организации широкомасштабного взаимодействия, вероятно, оскорбит тех, для кого она прежде всего духовный путь. Тем не менее, так же как промежуток между религией и наукой гораздо меньше, расстояние между религией и духовностью гораздо больше, чем мы привыкли думать. Религия – это соглашение, сделка, в то время как духовность – это странствие.

Религия дает полное описание мира и предлагает четко сформулированный контракт с заранее обозначенными целями. Духовные путешествия – совсем другое дело. Обычно они ведут людей таинственными путями к неизвестным пределам. Религии стремятся укреплять мировой порядок, а духовность стремится из него вырваться. Как правило, служители религий стараются обуздать духовную пылкость паствы. Протестантский бунт против католической церкви был поднят не атеистами гедонистами, а набожным монахом аскетом Мартином Лютером, который хотел ответов на краеугольные вопросы жизни и отказался удовлетвориться лишь церковными обрядами, ритуалами и сделками.

С исторической точки зрения духовный путь всегда трагичен, так как это одинокое странствие, неприемлемое для всего общества. Человеческое взаимодействие требует ясных ответов, а не только вопросов. А те, кто восстает против бессмысленных религиозных структур, часто заканчивают созданием новых структур.

Принято представлять историю Нового времени как борьбу науки с религией. Теоретически и наука, и религия превыше всего ставят истину, а поскольку у каждой истина своя, то столкновение неизбежно. На практике же и науку, и религию истина не особо волнует, поэтому они легко могут идти на компромиссы, сосуществовать и даже сотрудничать.

Следовательно, гораздо правильнее рассматривать современную историю как процесс выработки соглашения между наукой и одной определенной религией, а именно – гуманизмом. Однако ковенант [договор], связывающий науку и гуманизм, вполне может разрушиться и уступить место абсолютно иному виду договора – между наукой и некоей новой постгуманистической религией.

Глава 6. Современный ковенант

Современность – это соглашение. Его содержание можно передать одной фразой: «Люди соглашаются отказаться от смысла в обмен на власть». До современной эпохи большинство культур держалось на вере, что человек – частица некоего грандиозного космического плана. Этот план составили всемогущие боги или вечные законы природы, и человечество не могло его изменить. Космический план наполнял жизнь человека смыслом, но вместе с тем ограничивал его власть. Культура современной эпохи отвергает эту веру в великий космический план. События просто

происходят, одно за другим. Новый мир не верит в замысел. Следовательно, человек не ограничен написанной для него ролью. Мы можем делать все, что хочется, – если будем знать **как**.

Повальные болезни и засухи не посланы свыше – мы можем их искоренить. Войны не являются неизбежным злом на пути к лучшему будущему – мы можем повсюду установить мир. После смерти нас не ждет рай – мы вправе создать рай здесь, на земле. И жить в нем вечно, если только сумеем преодолеть кое-какие технические трудности. На практике современная жизнь – это постоянная погоня за властью в лишенной смысла вселенной.

Сегодня все помешаны на росте, а в доиндустриальную эпоху люди не обращали на это внимания. Правители, священнослужители и земледельцы полагали, что человеческая производительность достигла стабильных и предельных величин, что единственный способ обогащения – за счет других и что их внуки будут жить так же, как они сами. Этот застой во многом объяснялся трудностями с финансовым обеспечением новых проектов.

Кредо «больше чего-то» повелевает индивидам, фирмам и правительствам пренебрегать всем, что может мешать экономическому росту: социальной справедливостью, экологическим равновесием, почитанием собственных родителей.

Возьмем программистку, работающую на высокотехнологичный стартап и получающую 100 долларов в час. В один прекрасный день ее пожилого отца разбивает инсульт. Нужно помогать ему покупать продукты, готовить и даже мыться. Программистка может перевезти отца к себе и сама ухаживать за больным: уходить утром из дома позже, приходить вечером раньше. Ее зарплата и продуктивность уменьшатся, но отец будет окружен заботой любящей дочери. Или можно нанять мексиканскую няньку, которая за двенадцать долларов в час будет жить у отца и обслуживать его.

Большинству капиталистов, наверное, не понравится ярлык религии на капитализме. Однако как раз в качестве религии капитализму есть чем гордиться. В отличие от других религий, предлагающих нам пирог на небесах, капитализм обещает чудеса здесь, на земле – и даже выполняет часть своих обещаний. Немалая роль в победе над голодом и эпидемиями принадлежит пламенной капиталистической вере в экономический рост.

Капитализм также заслуживает похвалы за вклад в уменьшение насилия и увеличение терпимости и сотрудничества. Тут действуют и дополнительные факторы, но надо сказать, что капитализм внес реально весомый вклад в мировую стабильность, приучив людей видеть в экономике не антагонистическую игру, в которой моя прибыль означает твою потерю, а выигрышную для обеих сторон ситуацию, в которой моя прибыль – это и твоя прибыль. Такой взаимовыгодный подход, может быть, гораздо больше способствовал успокоению народонаселения Земли, чем века христианских проповедей о необходимости возлюбить ближнего и подставлять другую щеку.

Мысли о росте навязываются даже детям и подросткам – посредством вездесущих капиталистических игр. Досовременные игры вроде шахмат подразумевали застойную экономику. Вы начинаете игру с шестнадцатью фигурами и никогда не заканчиваете ее с прибавлением. Иногда пешка может превратиться в ферзя, но нельзя добавлять новые пешки или апгрейдить коня в танк. Игроки в шахматы не думают о вложениях. Многие из современных настольных и компьютерных игр, напротив, построены на инвестировании и росте.

Традиционный взгляд на мир как на пирог неизменного размера предполагает, что в мире есть всего два вида ресурсов: сырье и энергия. На самом деле видов ресурсов три: сырье, энергия и знания. Сырье и энергия невозобновляемы – чем больше вы их используете, тем меньше у вас остается. Знание, напротив, накапливаемый ресурс – чем больше вы его используете, тем больше его у вас становится.

Тысячи лет научный путь к росту был заблокирован, потому что люди верили: священные книги и древние традиции уже содержат все важные и нужные знания о мире. Научная революция освободила человечество от этого наивного убеждения. Величайшим научным открытием было открытие невежества. Когда люди поняли, как мало знают о мире, у них появился сильнейший стимул к получению новых знаний, который разблокировал путь к прогрессу науки.

Шансы справиться с проблемой нехватки ресурсов у нас достаточно хорошие. Куда более грозной проблемой является экологический коллапс. Эту опасность можно снизить, замедлив темпы прогресса и роста.

Глава 7. Гуманистическая революция

Испокон веков пророки и философы повторяли: если люди разуверятся в великом космическом замысле, закон и порядок перестанут существовать. Но сегодня антидотом против существования без смысла и без закона стал гуманизм, новое революционное вероисповедание, завоевавшее мир за последние несколько веков.

В *этике* гуманистический лозунг заявляет: «Нравится – делай». В *политике* он утверждает: «Избирателю виднее». В *эстетике* гуманизм провозглашает: «Красота – в глазах смотрящего».

Перемещение источника смысла и права с небес на землю, к нам, изменило природу всего космоса. Окружающее пространство, прежде кишевшее богами, музами, вампирами и феями, опустело. Внутренний мир – бывший не игравшим роли анклавом грубых страстей – сделался безгранично глубоким и богатым.

Когда Ницше провозгласил, что Бог умер, он имел в виду именно это. По крайней мере на Западе Бог стал абстрактной идеей, которую одни принимают, другие отвергают, но которая уже не имеет значения. В Средние века в отсутствие Бога для меня не было бы политического, морального и эстетического авторитета. Я не мог бы определить, что правильно, что хорошо и что прекрасно. Так жить невозможно. Сегодня, наоборот, очень легко не верить в Бога, потому что я ничем не расплачиваюсь за свое неверие. Я могу быть чистейшим атеистом и все же черпать насыщенную смесь политических, моральных и эстетических ценностей из своего внутреннего опыта.

В средневековой Европе главная формула получения знания была такова: Знание = Священное Писание × Логика. Научная революция вывела совершенно новую формулу получения знания: Знание = Эмпирические данные × Математика. Научная формула знания привела к поразительным прорывам в астрономии, физике, медицине и множестве других дисциплин. Но у нее был один большой изъян: она была беспомощна в вопросах ценности и смысла.

Один из путей преодоления этой трудности заключался в том, чтобы продолжать пользоваться старой средневековой формулой вместе с новыми научными методами. Когда перед людьми встает практическая проблема – вроде необходимости определить форму Земли, построить мост или вылечить болезнь, – мы собираем эмпирические данные и математически их анализируем. В случае этической проблемы – например, разрешать ли разводы, аборт или гомосексуализм – мы обращаемся к священным текстам. Это решение использовали ранее и используют сейчас многие общества, начиная с викторианской Британии и кончая современным Ираном.

Гуманизм же предложил свою альтернативу. Когда люди обрели уверенность в себе, родилась новая формула этического знания: Знание = Опыт переживаний × Чуткость.

Чуткость – это, во-первых, внимание к собственным ощущениям, эмоциям и мыслям, а во-вторых, отзывчивость на эти ощущения, эмоции и мысли.

Возьмем пример с чаем. Я начинаю день с очень сладкого обычного чая и утренней газеты. Эта чашка – мой способ вызвать утренний прилив энергии. Однажды я понимаю, что между сахаром и газетой почти не чувствую вкуса чая. Тогда я уменьшаю количество сахара, откладываю газету, закрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться на чае. Я начинаю ощущать его уникальный аромат и вкус.

Вскоре я уже экспериментирую с разными сортами чая, черного и зеленого, сравнивая их тонкие вкусы и изысканные ароматы. Через несколько месяцев я отказываюсь от продающихся в супермаркетах марок и начинаю покупать чай в Harrods. Особенно мне нравится Panda Dung Tea с гор Янь в китайской провинции Сычуань. Его получают из листьев чайных кустов, удобренных навозом панд. Так, от чашки к чашке, я повышаю свою чуткость в отношении чая и становлюсь его знатоком. Некоторые переживания недоступны, пока у вас нет достаточной чуткости. А развить чуткость можно только через переживания.

В начале XIX века [Вильгельм фон Гумбольдт](#) – один из главных архитекторов современной системы образования – сказал, что цель существования – «перегонка сколь можно более обширного опыта

жизни в мудрость». Он также писал, что «в жизни есть только одна вершина – измерить чувством все человеческое». Гуманизм мог бы сделать это своим девизом.

Раскол гуманизма. Гуманизм раскололся на три основные ветви. Ортодоксальная ветвь придерживается убеждения, что любой человек – это уникальная личность с особым внутренним голосом и неповторимой гаммой переживаний. Из-за этой сосредоточенности на свободе ортодоксальная ветвь гуманизма называется «либеральным гуманизмом», или просто «либерализмом».

Социалистический гуманизм пошел совершенно иным путем. Социалисты за создание сильных коллективных институтов – социалистических партий, профессиональных союзов, – призванных объяснять нам мир. Если в либеральной политике «избирателю виднее», а в либеральной экономике «потребитель всегда прав», то в социалистической политике «партии виднее», а в социалистической экономике «профсоюз всегда прав». Смысл и право и тут проистекают из человеческого переживания – партии и профсоюзы состоят из людей и работают ради облегчения их жизни, – но все же отдельный человек здесь обязан повиноваться партии и профсоюзу, а не своим личным чувствам и переживаниям.

Эволюционный гуманизм предлагает иное решение проблемы конфликта человеческих переживаний. Конфликт является сырьем для естественного отбора, который движет эволюцию вперед. Просто одни люди совершеннее других, и, когда человеческие переживания сталкиваются, более совершенные люди должны оставлять прочих позади.

Социализм, очень своевременный сто лет назад, не смог идти в ногу с новейшими технологиями. Леонид Брежнев и Фидель Кастро продолжали держаться за идеи, сформулированные Марксом и Лениным в эпоху паровых двигателей, и недооценили потенциал компьютеров и биотехнологий. Либералы же, напротив, сумели приспособиться к информационной эпохе. Это частично отвечает на вопрос, почему либеральные капиталисты похоронили марксистов, а не наоборот. Если бы Маркс на время вернулся к жизни, он, скорее всего, посоветовал бы своим стойким последователям уделять больше времени изучению интернета и человеческого генома, чем чтению «Капитала».

Радикальный ислам находится в куда худшем положении, чем социализм. Он пока не смирился даже с промышленной революцией, поэтому неудивительно, что ему нечего сказать о геномной инженерии и искусственном интеллекте. Ислам, христианство и другие традиционные религии остаются в обществах важными игроками. Однако их роль сейчас в основном сводится к реагированию. В прошлом они были серьезной созидательной силой.

Глава 8. Лабораторная часовая бомба

Сегодня в мире доминирует либеральный союз индивидуализма, прав человека, демократии и свободного рынка. Однако, когда в XX веке, вскрыв черную шкатулку с надписью Homo Sapiens, ученые не нашли в ней ни бессмертной души, ни свободной воли, ни пресловутого «я» – одни только гены, гормоны и нейроны, подчиняющиеся тем же физическим и химическим законам, что управляют всей прочей материей.

Выброс нейроном электрического импульса – это или определенная реакция на внешний раздражитель, или следствие случайного события. Ни то ни другое не оставляет места свободной воле. Решения, являющиеся итогом цепной биохимической реакции, где каждый этап спровоцирован предыдущим, конечно же, не свободны. Решения, к которым приводят случайные субатомные явления, тоже не свободны – они просто случайны. И когда случайные явления смешиваются с детерминированными процессами, мы получаем вероятностные результаты. Но и они не эквивалентны свободе.

Согласно выводам современной науки, детерминизм и случайность поделили между собой весь пирог, не оставив «свободе» ни крошки. Священное слово «свобода» оказывается, подобно «душе», пустым звуком, лишенным какого-либо различимого смысла. Свободная воля существует лишь в мифах, придуманных нами, людьми.

Последний гвоздь в гроб свободы забивает теория эволюции. Эволюция не сопрягается со свободной волей точно так же, как она не уживается и с идеей вечной души. Ведь если люди свободны, каким образом их мог сформировать естественный отбор? По теории эволюции, за любой выбор, который делает животное, – среды обитания, еды, партнера – отвечает его генетический код. Если одни гены

велят животному есть питательные грибы и спариваться со здоровыми и плодовитыми особями, эти гены передаются следующему поколению. Если из-за других генов животное выбирает ядовитые грибы и анемичных партнеров, эти гены исчезают. Если бы животное «свободно» выбирало, что ему есть и с кем спариваться, то естественному отбору не с чем было бы работать (см. также [Сэм Харрис. Свобода воли](#)).

В начале третьего тысячелетия либерализму угрожает не философская идея, отрицающая существование свободных индивидуумов, а конкретные технологии. В самом скором времени нас ожидает нашествие чрезвычайно полезных устройств, приспособлений и структур, которые не оставят места свободной воле индивидов. Выживут ли в этих условиях демократия, свободный рынок и права человека?

Глава 9. Великое разделение

Либералы стоят за свободные рынки и демократические выборы, так как верят, что каждый человек – уникальная самоценная личность, чей свободный выбор является высшим авторитетом. В XXI веке три практических варианта развития событий могут отправить это верование в утиль:

1. Люди будут утрачивать свою экономическую и военную полезность, в результате чего политико-экономическая система перестанет их высоко ценить.
2. Система будет продолжать ценить людей всех вместе, их совокупность, но не уникальных индивидов.
3. Система будет по-прежнему высоко ценить отдельных индивидов – но это будет новая элита усовершенствованных сверхлюдей, а не представители масс.

Либерализм стал главенствующей идеологией не потому, что у него самая веская философская аргументация, либерализм преуспел потому, что признание ценности каждого человека приносило политическую, экономическую и военную выгоду.

Чарльз У. Элиот, президент Гарварда с 1869 по 1909 год, писал в августе 1917 года в *The New York Times*, что «демократические армии воюют успешнее, чем армии с аристократической верхушкой и палочной дисциплиной» и что «армии наций, где массы сами устанавливают законы, выбирают чиновников и решают вопросы войны и мира, сражаются лучше, чем армии самодержцев, которые властвуют по праву рождения и Божьему произволению». Те же резоны способствовали раскрепощению женщин после Первой мировой войны. Осознав, насколько незаменимы женщины в тотальных индустриальных войнах, правительства посчитали нужным дать им политические права.

Но в XXI веке большинство мужчин и женщин, вероятно, утратят свою военную и экономическую ценность. Всеобщая мобилизация двух мировых войн – далекое прошлое. Передовые армии XXI столетия полагаются прежде всего на новейшие технологии. Вместо безграничных запасов пушечного мяса странам будет достаточно лишь небольшого числа хорошо обученных солдат.

В этой ситуации либерализму будет гораздо труднее. Когда массы утратят свою экономическую значимость, хватит ли одних моральных аргументов для защиты прав и свобод человека? Продолжат ли элиты и правительства ценить каждую личность, даже когда это перестанет приносить экономические дивиденды?

Мы стоим буквально на пороге грандиозной революции, в результате которой люди рискуют лишиться своей экономической ценности. Происходит это из-за того, что интеллект отделяется от сознания. До сегодняшнего дня высокий интеллект всегда шел рука об руку с высокоразвитым сознанием. Только сознательные существа были способны выполнять задачи, требующие «много ума», – играть в шахматы, водить машины, диагностировать болезни, идентифицировать террористов. Теперь же мы разрабатываем новые типы интеллекта без сознания, которые справляются с подобными задачами намного лучше, чем люди.

По мере вытеснения алгоритмами людей с рынка труда богатство и власть будут концентрироваться в руках тонкого слоя элиты – владельцев всемогущих алгоритмов. Социальное и политическое неравенство достигнет беспрецедентного уровня. Сегодня миллионы водителей такси, автобусов и грузовиков обладают серьезным экономическим и политическим весом, ведь у каждого из них своя крошечная доля рынка перевозок. Если их коллективные интересы не соблюдаются, они объединяются в профсоюзы, устраивают забастовки и бойкоты, создают избирательные блоки. Но

если на смену миллионам водителей придет один алгоритм, то все доходы и влияние достанутся корпорации, владеющей алгоритмом, и нескольким миллиардерам, владеющим корпорацией.

Традиционно жизнь делилась на две основные части: период учебы и следовавший за ним период работы. Очень скоро эта традиционная модель безнадежно устареет, и единственное, что останется человеку, который не хочет выпасть из обоймы, – всю жизнь учиться и достаточно часто переучиваться. Многим людям это будет не под силу. Возможно даже – большинству.

Исследование, проведенное недавно по заказу Facebook, показало, что уже сегодня фейсбукский алгоритм разбирается в характерах и настроениях людей лучше, чем их друзья, родители и супруги. В эксперименте участвовало 86 220 волонтеров, которые имели аккаунт в Facebook и ответили на сто вопросов персональной анкеты. Алгоритм предсказывал ответы волонтеров, основываясь на анализе их «лайков».

Предсказания алгоритма сравнивались с предсказаниями коллег по работе, друзей, членов семьи и супругов. Поразительно, но алгоритму хватило всего десяти лайков, чтобы превзойти в прозорливости коллег по работе. Ему понадобилось семьдесят лайков, чтобы превзойти друзей, сто пятьдесят лайков, чтобы превзойти членов семьи, и триста лайков, чтобы превзойти супругов.

В XXI веке самое ценное, что у нас, людей, есть, – это наши персональные данные. А мы отдаем их техногигантам в обмен на услуги электронной почты и забавные видео с котиками.

Технологии XXI века могут подорвать гуманистическую революцию, лишив власти людей и наделив ею неорганические алгоритмы.

Глава 10. Океан сознания

Техногуманизм соглашается с тем, что Homo Sapiens, каким мы его знаем, исторически исчерпал себя и не будет актуальным в будущем, однако видит выход в том, чтобы при помощи технологий создать намного более совершенную модель человека. Однако, смесь практического умения манипулировать разумом с полным незнанием ментального спектра и узкими интересами правительств, армий и корпораций – это рецепт больших неприятностей. Мы будем успешно модернизировать наши тела и мозги, теряя в процессе наш разум. Фактически техногуманизм может **упростить** человека.

Вторая когнитивная революция способна произвести людей-винтиков, которые коммуницируют, передают и обрабатывают данные с беспрецедентной эффективностью, но практически не умеют ни уделять внимания, ни грезить, ни сомневаться. Миллионы лет мы были усовершенствованными шимпанзе. А можем стать сильно увеличенными муравьями.

Технорелигия предвидит мир, который не будет вращаться вокруг желаний и переживаний тех или иных человекоподобных существ. Что же может заменить желания и переживания в качестве источника всего смысла и права? Самой интересной новой религией является датаизм. Он не чтит ни богов, ни людей. Он поклоняется данным.

Глава 11. Религия данных

Датаизм провозглашает, что Вселенная состоит из потоков данных и что ценность всякого явления или сущности определяется их вкладом в обработку данных. Датаизм указывает, что биохимические и электронные алгоритмы подчинены одним и тем же математическим законам. Таким образом датаизм разрушает барьер между животными и машинами и предрекает, что электронные алгоритмы в конце концов расшифруют и превзойдут биохимические алгоритмы.

Датаизм переворачивает традиционную пирамиду обучения. До недавних пор на данные смотрели лишь как на первое звено в длинной цепочке интеллектуальной деятельности. Человеку надо было превращать данные в информацию, информацию в знания, а знания в мудрость. Но датаисты считают, что люди больше не в состоянии справляться с огромными потоками данных, поэтому не могут превращать данные в информацию и уж тем более в знания или мудрость. Поэтому обработка данных должна быть доверена электронным алгоритмам, намного более мощным, чем человеческий мозг. На практике это означает, что датаисты скептически относятся к человеческим знаниям и мудрости и предпочитают полагаться на Большие данные и компьютерные алгоритмы.

Экономисты все чаще смотрят на экономику как на систему обработки данных. В соответствии с этим взглядом рыночный капитализм и государственный коммунизм – это конкурирующие системы

обработки данных. Капитализм пользуется распределенной обработкой, в то время как коммунизм делает ставку на централизованную.

Капитализм одержал верх над коммунизмом не потому, что он более этичен, и не потому, что свобода личности священна или что коммунисты прогневили Бога своим язычеством. Капитализм выиграл холодную войну потому, что распределенная обработка данных работает лучше, чем централизованная, по крайней мере в периоды ускорения технологических изменений.

Подобно капитализму, датаизм зародился как абстрактная научная теория, однако теперь он мутирует в религию, которая порывается устанавливать критерии добра и зла. Высшая ценность этой новой религии – «поток информации».

Как капиталисты рыночники верят в невидимые силы рынка, так адепты религии данных верят в невидимые силы информационных потоков. По мере того как глобальная система обработки данных делается всезнающей и всемогущей, подключенность к ней становится источником всего смысла. Люди охотно растворяются в информационном потоке, потому что, становясь его частью, начинают ощущать себя частью чего-то неизмеримо большего, чем они сами.

Гуманизм стоит на том, что переживания – это внутренний процесс, а смысл всего происходящего мы должны искать внутри себя, тем самым наполняя смыслом Вселенную. Датаизм считает, что переживаниям грош цена, если они ни с кем не разделены, и что мы не должны – а на самом деле и не можем – найти смысл внутри себя. Мы должны лишь фиксировать наши переживания и отправлять их в великий информационный поток. А алгоритмы найдут в них смысл и скажут нам, что делать.

Гуманистический обычай прошлых веков – ведение личных дневников – кажется современной молодежи абсолютно бессмысленным. Зачем писать что то, чего никто другой не прочтет? Современный девиз таков: «Видишь что-то – запиши. Записал – загрузи. Загрузил – поделись с другими».

Разбираясь в трех основных вероисповеданиях гуманизма, мы спрашивали себя, какое из слуховых впечатлений ценнее: от Пятой симфонии Бетховена, от Чака Берри или от пигмейской песни посвящения девушек в женщины? Датаист скажет, что сама постановка вопроса неправильна, так как музыка должна оцениваться по *заложенной в ней информации*, а не по переживанию, которое она создает. Датаист, например, объяснит, что в Пятой симфонии содержится неизмеримо больше информации, чем в песне девушек-пигмеек.²

В XVIII веке гуманизм потеснил Бога, поменяв теоцентричное мировоззрение на гомоцентричное. В XXI веке датаизм может потеснить людей, переключившись с гомоцентризма на датацентризм.

Критическое исследование датаистической догмы должно стать не только величайшим научным вызовом XXI века, но и самым актуальным политическим и экономическим проектом. Естественники и обществоведы обязаны спросить себя, не упускаем ли мы чего-то, ограничивая жизнь обработкой данных и принятием решений. Может быть, во Вселенной есть сущности, которые нельзя свести к данным? Предположим, лишённые сознания алгоритмы сумеют обойти сознательный интеллект во всем, что касается обработки данных, – а вдруг при замене сознательного интеллекта лишёнными сознания алгоритмами мы утратим что-то очень важное?

Изобретение искусственного интеллекта и биотехнологий непременно изменит мир, но оно не предписывает единственного детерминированного исхода. Все сценарии настоящей книги следует воспринимать как вероятности, а не пророчества. Если какие-то из них вас не устраивают – начинайте мыслить и, главное, действовать так, чтобы не дать этим вероятностям материализоваться.

Если мыслить масштабами бытия, то все наши дела и проблемы отступают перед тремя взаимосвязанными процессами:

1. Наука объединяется вокруг всеобъемлющей догмы, которая утверждает, что организмы – это алгоритмы и что жизнь является обработкой данных.
2. Интеллект отделяется от сознания.

² На мой взгляд, датаисты упускают, что измерение информации, предложенное Шеноном, и подсчитываемое в битах, было применено в рамках решения технической проблемы. Такое измерение информации является ограниченным, и не способно подсчитать все аспекты информации. – *Прим. Багузина.*

3. Лишенные сознания, но высокоразвитые алгоритмы вскоре могут знать нас лучше, чем знаем себя мы сами.

Эти три процесса порождают три ключевых вопроса:

1. Действительно ли организмы – всего лишь алгоритмы, а жизнь – всего лишь обработка данных?
2. Что более ценно – ум или сознание?
3. Что случится с обществом, политикой и нашей повседневной жизнью, когда лишенные сознания, но высокоразвитые алгоритмы будут знать нас лучше, чем знаем себя мы сами?